

В темноте внутреннего двора замерло время. Лёгкий пустынный ветерок играл с хрустальными брызгами фонтана, пока двое застыли в ночном мареве, освещённые лишь желтоватым светом мягко покачивающихся фонариков на острых крышах гаремных павильонов. Безмолвным караваном плыло в воздухе спокойствие, такое привычное для давно знающих друг друга людей.

Бай Лао примостился в тени одной из стен и сам не заметил, когда нетерпеливое любопытство сменилось плавным наблюдением за двумя статными фигурами. В какой-то момент это всё перестало казаться ему тайным любовным свиданием, скорее, тёплой встречей двух давних друзей или даже брата и сестры.

— Я попросила одну служанку купить вишню в карамели, — сказала Чуньшен, разворачивая небольшой свёрток на медленно остывающем камне фонтана, — ты же до сих пор её любишь?

Когда Фэн Ся улыбался, глаза его превращались в тонкие игривые полумесяцы. Бай Лао не мог объяснить, зачем так отчаянно старался запомнить его лицо. Возможно, внутри он боялся, что другой возможности перекрыть жёсткие образы той кровавой ночи ему попросту не представится.

— Шицзе по-прежнему так добра и заботлива, — протянул Фэн Ся, сверкнув глазами в сторону искрящейся глянецю сладости.

Чуньшен покачала головой.

— Ты не должен так меня называть. Ты никогда не был несмышлёным ребёнком, теперь и подавно ты не можешь использовать это как оправдание.

— Неужели ты мне запретишь? — Фэн Ся хитро прищурился, закинув в рот алую ягоду.

— Неужели ты слушаешь? Я запрещала тебе уже сотню раз.

У Бай Лао не было ни братьев, ни сестёр, и горькая печаль вдруг осела на самом кончике языка. Ему до зуда в ногах захотелось выскочить из своего укрытия и стать частью этой идиллической картины — смеяться и угощаться сладостями, сидя на остывающем после знойного дня камне. Пальцы ног сами собой поджались в мягких ботинках, удерживая от необдуманных поступков.

Чуньшен устало вздохнула, накрутив на палец упругий локон — звёздные блики плясали в её лоснящихся волосах. Жизнь наложницы, пусть и одной из самых влиятельных, была ей совершенно невыносима. С непоседливым нравом смиренно ожидать милости князя в богатых покоях набивало оскомину.

— Какие у тебя новости? Кажется, я скоро совсем зачахну в этой золотой клетке. Даже твой

отец давно не жаловал мне своё драгоценное внимание.

— Возможно, он всё ещё в бешенстве из-за выходки Фэн Су. Я предупреждал, что давать моё имя, настоящее имя, мечу плохая идея, но ты же его знаешь — что угодно, лишь бы вывести его Высочество из себя.

Чуньшен вошла во дворец служанкой после печальных событий. Честно признаться, это не сильно её беспокоило — ей просто хотелось сбежать в музыкальный павильон и вообще никогда не попадаться на глаза князю, тяжело переживающему предательство женщины, которую он готовил стать своей женой. Мать Фэн Ся совершила самое страшное преступление — измену[1], но Чуньшен в тайне восхищалась ей. Гуйфэй[2] была сильной женщиной со своими убеждениями и решилась на радикальные меры, чтобы их сохранить. Фэн У не колебался в вынесении приговора, и кровавые реки потекли по всей пустыне. Фэн Ся, носящий на тот момент имя Цзинь Хуа, едва окрепший после рождения, должен был разделить участь матери-изменницы, но одна юная наложница убедила князя сохранить жизнь невинному ребёнку. Фэн У отлучил его от престолонаследия, дал новое, унижительное, имя и отдал на воспитание многочисленным женщинам дворца. Юная наложница в последствии возвысилась и родила князю нового наследника. И хотя поступок её был, несомненно, благороден, едва ли она делала это без собственной выгоды. Официальной женой она так и не стала. То были тёмные времена.

Чуньшен всегда мечтала стать матерью. Ей нравилось проводить время с Фэн Ся, младенцем, подростком. Наблюдать, как он растёт, приносить ему сладости и играть. Став сяньфэй в совсем юном возрасте, они уже не могли много общаться. Фэн Ся заинтересовался военным делом и сменил воспитание дворцовых женщин на казармы, где со временем добился определённых успехов и уважения. Даже ребёнком он обладал очень стойким характером, воистину сын своих родителей. Будучи сыном изменницы, он, конечно, сталкивался со многими нападками, но, казалось, ничто не могло сломить его. Наверное, это даже помогло ему найти общий язык с братом, невозможно капризным ребёнком.

Гуйфэй никогда не любила Фэн У, но Чуньшен признавала — стоит отдать ему должное, хотя бы за то, что он никогда не отворачивался от своего первого сына целиком и ничему не препятствовал. Пусть он взял его мать силой, возможно, сила была его проявлением любви.

Тьма постепенно отступала, время текло лениво как патока. Отношения князя с первым сыном оставались натянутыми, но дружба между братьями крепла, и отец, никогда более не смоящий кровь с рук, не собирался этому мешать.

А потом появилась Цин Юань.

В летящих белых одеждах. Она сказала, что пришла с Запада. Женщина с туманным прошлым, предрекающая зыбкое будущее, полное огня и крови.

И снова сгустилась тьма.

— Думаешь, твой отец может изменить решение? — Вынырнув из далёких воспоминаний,

спросила Чуньшен.

Фэн Ся скривил блестящие от карамели губы.

— Не знаю, как, но Цин Юань качественно запудрила ему мозги. Изменить свою участь Фэн Су сможет, только если сам займёт трон. Не то, чтобы отец собирался на покой, к слову.

Бай Лао не сильно понимал скрытый смысл диалога, но по тому, как взвилась Чуньшен, боязливо озираясь по сторонам, понял, что лучше бы ему самому крепко держать язык за зубами. Чуньшен, хоть и была доброй госпожой, вряд ли бы похвалила его за такой возмутительный шпионаж.

— Шшш, А-Хуа! Быть пойманным на территории гарема после заката — это одно; но быть пойманным за рассуждением об измене...

Фэн Ся небрежно взмахнул рукой. Бай Лао узнал этот жест — так же делал князь, когда не желал слушать. Фэн Ся вообще очень походил на отца, только выглядел моложе. Как это иронично, подумал Бай Лао.

— В конце-концов, я — сын своей матери. Думаешь, многие бы удивились?

Бай Лао и подумать не мог, что милая и добрая Чуньшен способна раздавать такие громкие подзатыльники.

Фэн Ся ещё долго рассказывал городские новости и сплетни, какие товары появились на рынке и даже про звёзды, что помогают не потеряться в пустыне. Он умело обходил темы тренировок, конфликтов и грубого солдатского юмора. Голос его звучал мягко, так плавно, как вишнёвый цветок, сорвавшись с ветки, кружится, опускаясь на землю.

Бай Лао не должен был становится свидетелем и оттого увиденный кусочек чужой искренности даже близко не был сравним с самой невероятной драгоценностью.

Он прикрыл глаза и поклялся навсегда сохранить этот образ в памяти.

Комментарии и примечания:

[1] В "уголовном кодексе" Древнего Китая было перечислено 500 преступлений, из них десять считались "тягчайшими преступлениями, которые не подлежат помилованию и прощению" — то есть, даже всемогущий, по сути, император не мог помиловать осужденного. И первым из этих десяти значилась государственная измена, включая намерение ее совершить или подстрекательство к ней. Кроме того, в Китае существовало такое понятие, как "ответственность девяти родов". Это означало, что если глава семьи признан виновным в государственной измене, казни вместе с ним подлежат все его близкие родственники по

отцовской и материнской линии, а именно: родители, бабушка и дедушка, все дети (с супругами), все внуки (с супругами), братья и сестры, братья и сестры супругов, тети и дяди с супругами, двоюродные братья и сестры, супруги самого преступника и их родители. Иногда император мог помиловать лишь детей, не достигших определенного возраста, а женщинам казнь заменить на рабство. Известен случай, когда вместе с обвиненным в измене ученым Фан Сяожу в 14 веке было казнено 873 совершенно невинных человека.

Мать Фэн Ся, совершившая измену, конечно, не была главой семьи. В моей вольной интерпретации древнекитайской судебной системы это просто поможет в дальнейшем понять, почему и зачем так, а не иначе.

[2] Гуйфэй — «драгоценная». Титул одной из жён в гареме. По факту, после императрицы (официальной жены), гуйфэй была самой главной и значимой.

<http://bllate.org/book/14934/1323631>